

дело № 28

инв. № 6487.

28	УКР
28	ОГНИЧИ
I	РАЗДЕЛЯ
28	ФОНДА
	АРХИВ НПН РАН

Стенограмма беседы
с Членом Сов. Союза
г. Чекалиным З. М. и
его архивографом.

р. Т
р. 28.
р. 28.

АРХИВ ИРИ РАН	
№	ФОНДА
	2
	РАЗДЕЛА
	I
	ОПИСИ
	28
	ДЕЛА
	28

7 л.

чкв.

6487

СЕКТОР ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СТЕНОГРАММА

беседы с тов. ШЕМЯКИНЫМ Григорием Милентьевичем

Беседу проводит
научный сотрудник
Голубева Р.И.

Записывает
Пейсахзон Э.Я.

г. Алма-Ата
3.1.1947 г.

Герой Советского Союза из числа
двадцати восьми Героев 8-й гвар-
дейской Панфиловской дивизии.

Рядовой, пехотинец 1075-го полка,
5-й роты.

Год рождения 1906, русский.
кандидат ВКП/б/ с 1944 г.
Образование - 5 классов.

Перед войной - животновод колхоза
им. Ворошилова, Лапинского сельсове-
та, Джеты-Огузовского района, Оссы-
кульской области.

Награды: Орден Ленина, золотая звезда.

Я родился в Иссыкульской области, в г. Пржевальске, Кир-
гизской ССР, в 1906 году. Родители крестьяне, занимались хле-
боробством.

У родителей было двое детей - я и сестра.

В 1915 году пошел в начальную школу, окончил 5 классов.

Родители жили бедно. Пришлось оставить школу и помогать
отцу в хозяйстве.

В 1929 году я пошел в колхоз.

В 1934 году отец умер. Мать умерла в 1939 году.
До 1941 года я жил в деревне, работал в колхозе животноводом.
В колхозе я работал не плохо. Ежегодно получал премии, и боль-
шие премии. В последнее время работал бригадиром полеводческой
бригады.

Я заядлый охотник. В нашей области богатая охота. Мы
ездили в горы, на озера. С одиннадцатилетнего возраста я
пристрялся к охоте. Сколько раз меня отец ругал:

- Ты сам себя убьешь.

Любил я и рыболовство.

С одиннадцати лет я уже работал с отцом, траву косил.

Село у нас было глухое, радио не было. Только во время войны построили электростанцию. Как животновод я с пастухами был все время в горах.

Услышал о войне, находясь в горах.

Когда ехал на фронт, сказал односельчанам; что вернусь героем.

16 июля 1941 года меня вызвал военкомат. Из Киргизии мы поехали в Алма-Ата. Здесь формировали дивизию.

18 августа мы выехали на фронт. Из нашего колхоза было много ребят, но в нашу роту я попал один. Я попал в 5-ю роту 1-го взвода. Месяц нас обучали.

Вначале мы поехали на Ленинградский фронт, на станцию Крестцы. Оттуда нас перебросили под Москву.

Первый бой мы принимали у совхоза Булучево.

Немец все лезет. Мы об'явились добровольцами, набрали гранаты, бутылки с горячей смесью и пошли на раз'езд Дубосеково. Когда мы подошли, мы начали рить себе окопы.

Когда мы в совхозе Буличево принимали бой, мы разбились заново. Я попал из 5-й роты в 4-ю. Тут говорят:

- Кто пойдет в качестве добровольцев истреблять танки?

Мы пошли. Из нашего района был Конкин Григорий. Мы были с ним все время. Конкин из совхоза Чапаева, я из колхоза Ворошилова. Мы с ним все время были вместе.

Мы пошли добровольно. Набрали гранаты, бутылки, противотанковые ружья. Стали копать окопы.

Приезжает генерал Панфилов, говорит:

- Вам здесь не место, можете здесь разместиться.

Нас перевели к самому раз'езду Дубосеково, метров за двести. Там выкопали окопы. Копать было трудно: земля была мерзлая.

Утром 16 ноября налетают немецкий самолеты, стали нас бомбить. Пробомбили — улетают. А мы остались целы. Смотрим — идет пехота, автоматы, человек сто. Мы их подпустили к себе вплотную.

Сержант Дубровин подал сигнал свистом. Мы поняли, а немцы в этот момент опешили — откуда свист. Они считали, что после бомбёжки никого нет. Мы открыли по ним огонь. Мы их человек 80 уложили, остальные убежали.

У нас были два пулемета, два противотанковых ружья, бутылки с жидкостью, гранаты и винтовки.

В этот момент подошел политрук Клочков. Поздоровался. Нас стало 29.

Когда пошло на нас 20 танков, один струсил. Мы его расстреляли. Осталось нас опять 28.

Тут командовал политрук Клочков. Он говорил:

— Не страшно. Не много танков идет: на каждого нехватает по танку, ничего, не страшно.

Когда мы стали драться, сбили 15 танков, 5 повернули обратно. Там был такой дым, что ничего не было видно.

Из противотанкового ружья я сбил два танка. После того, как мы сбили 15 танков, а 5 танков повернули назад, на нас пошли еще 30 танков.

Политрук Клочков говорит:

— Вы ошиблись: вы говорили, что нехватает по танку на брата, а сейчас больше, чем по два.

Он говорит:

— Ничего, не страшно. Велика Россия, но отступать некуда: позади Москва.

Вначале было страшно, но потом озверели так, что и страха не было. Когда дрались с последними танками, осталось танков 6 или 7. Два кинулись на меня. Я в первом успел перебить гусеницу, второй наступает на меня. Я забегаю в окоп. Танк перебегает через окоп. Когда танк перескочил через окоп, я выскоил из окопа, перебиваю гусеницу. Когда танк загорелся, откуда то получился взрыв. Меня ударило в левую сторону, ногу перебило, я потерял сознание.

Очнулся в Москве.

Я помню только Гришу. Когда он кинул гранату в танк, в это время из дыма выскоил другой танк и раздавил его.

Там трудно было что-нибудь видеть. Смотришь только за собой.

Из остальных героев я знал Конкина, Митина, Добробабина, Васильева; Митина и Конкина я знал потому, что мы были в одном взводе. С Конкиным мы из одного села, из соседних колхозов. Когда мы пошли в армию, мы все время были вместе.

В этом бою я был ранен и контужен. Меня подобрали и отпраили в Москву. Из Москвы меня эвакуировали в Медногорск. Там я лежал до марта 1942 года.

Из госпиталя я добровольно поехал на Ленинградский фронт. В Соль-Илецке формировалась марсовая бригада. Я с бригадой выехал на Ленинградский фронт.

Меня считали погибшим и жене послали извещение, что я погиб.

На Ленинградском фронте я получил благодарность перед строем за храбрость. Я был в 48-м артиллерийском полку, какой армии - не знаю.

Там старший лейтенант, командир батареи спрашивал меня:

- Вы из госпиталя или из дома?

Я говорю:

- Из госпиталя.

- Где вы воевали?

Я рассказал: под Москвой, там-то дрались. Потом вызывает комиссар батареи. Этот спрашивает, я ему то же рассказываю все. Через неделю вызывает Москва, НКО, наградной отдел. Там поздравляют меня.

Оттуда я поехал в свою дивизию. 7 ноября 1942 г. получил награду, и меня опять направили через госпиталь домой.

Здоровье у меня было плохое. Когда я был на Ленинградском фронте, я все время болел, особенно болела голова. Когда я ехал через Калинин, врач задержал меня:

- Тебе дальше ехать нельзя.

В Калинине я пролежал 12 суток. Оттуда поехал во Фрунзе. В Киргизии ездил по колхозам, выступал. Потом поехал в Ташкент.

В 1943 г. я был во Фрунзенском пехотном училище. Я попросился на фронт. Меня направили в Петропавловск. Там была бригада. Когда бригада выезжала на фронт, Ташкентский военный округ дал телеграмму, чтобы меня направили в Алма-Ата. Я приехал в Алма-Ата. Заболел. Пролежал в госпитале полтора месяца.

Врачи признали меня инвалидом второй группы и меня уволили из армии.

У меня четверо детей. Один сын в армии, в кавалерии, остальные дети учатся во Фрунзе.

Внимания мне уделяют мало. Пока ходил за одной парой сапог, другую разбил. За все время ни одного метра мануфактуры не получил.

Я в просил участок, хотел построить дом. Куда ни обращался, помоши никакой не оказали. Я отказался от участка.

Я живу в маленьком домике, занимаю там две комнаты. Я прошу, чтобы мне предоставили весь дом. Не дают. В двух комнатах тесно.

В день годовщины нашего подвига, когда передавали по радио из Москвы, здесь в городе меня никто не взвал, не вспомнил, не поздравил. Обидно было до слез. Если бы меня взвал председатель горсовета и пожал мне руку, этого мне было бы достаточно.

Адрес: Алма-Ата, Каракольская, 31.

Отп. 4 экз.